

Нюсенька

Нюсенька — так ласково Владимир Александрович называл всегда свою жену Анну Ивановну Богацкую (1916–1990) (в последние годы она неофициально, «чтобы не было никаких недоразумений», писала Богацкая–Котельникова, хотя свою девичью фамилию она так и не сменила).

Впервые он увидел ее в МЭИ, в «лабораторках». Тогда, в начале 30-х, появились на факультете студенты — практиканты из техникума связи.

Владимир обратил внимание на худенькую, веселую, смышленную, самостоятельную, энергичную и очень симпатичную девушку, Анну Богацкую, которая успешно и с легкостью справлялась с заданиями. Однокашники звали ее Нюсей.

Она, в свою очередь, тоже «заглядывалась» на высокого, худого, очень интересного и серьезного молодого преподавателя (рост у него тогда был 179–180 см, и высоким, по-видимому, он казался из-за своей худобы). Коллеги относились к нему с большим уважением, а большинство студенток были тайно в него влюблены.

Практика была не очень длительной, и вскоре эта «стая веселых ребят» упорхнула.

А спустя несколько лет на его горизонте вдруг опять появилась эта симпатичная девушка, только теперь уже в НИИС, как сотрудница его лаборатории.

Когда, много позже, мы спрашивали маму, случайно ли она попала на работу к папе в лабораторию, она отшучивалась: «Случайно, случайно, да не совсем».

Нюся и ее подружка Ира Изюмова очень хорошо вписались в коллектив лаборатории — в его работу и отдых. Вместе со всеми они ездили на лыжные прогулки, играли в теннис, ходили в кино, театры. Нюся была отчаянной девушкой. Она лихо каталась на лыжах, даже с самых крутых гор. Лыжи тогда были самые простые и крепления — самодельные, поэтому управлять ими было

не просто. И когда ее несло на дерево, а свернуть она не успевала, то кричала: «Уйди! Уйди! Уйди!» и в последний момент плюхалась на «пятую точку». На ее лыжном костюме сзади было большое белое пятно, образовавшееся в результате «экстренного» торможения.

Володин брат Севка в это время уже окончил МАИ (Московский авиационный институт) и работал в ЦАГИ (Центральный гидроаэродинамический институт) на улице Радио, неподалеку от Опытной радиостанции. Они с Володей очень любили друг друга и были дружны. В обеденный перерыв он часто вместе с Володей и его сотрудниками, ходил обедать в ближайшую столовую, а после работы присоединялся к их компании. Иногда он появлялся на своем мотоцикле, который недавно приобрел. Держал его он дома, в их с Володей комнате, не оставив же на улице, и каждый раз втаскивал его на руках на четвертый этаж. Все с восторгом по очереди гоняли на нем. А Нюся однажды так здорово разогналась, что перелетела через какое-то бревно и сломала себе руку. В выходные он тоже любил проводить с ними время, прихватывая иногда кого-нибудь из своих друзей — Вольку Руднева или Левку Крушинского, а то и обоих.

Взаимная симпатия Владимира и Нюси была всем очевидна. Но ни «активного ухаживания», ни «объяснения» со стороны Владимира не было, и их взаимоотношения оставались на уровне догадок.

Нередко бывало так, что после работы, когда Севка появлялся и приглашал их пойти в кино, Владимир отказывался, объясняя, что хочет еще дома поработать. В таком случае Севка вручал ему свой портфель, а сам с компанией, или вдвоем с Нюсей отправлялся в кино. Надо сказать, что многие из ребят, да и Севка тоже, были в той или иной степени влюблены в Нюсю. И, наконец, Нюся не выдержала. Как-то при случае спросила Владимира: «А тебе не обидно, когда я с Севкой без тебя хожу в кино?» На что Владимир спокойно ответил: «Конечно, обидно. Но ты ведь взрослый человек, и сама должна делать выбор и решать, как себя вести».

Осенью 1938 года Владимир сделал Нюсе предложение. На что неожиданно получил отказ:

— Я тебя очень люблю, но выйти замуж не могу. У меня арестован отец. Я не имею права ставить тебя под удар.

Несмотря на его возражения, она оставалась непреклонна.

— Ладно, если ты действительно меня любишь, то давай сделаем так. Будем считать, что ответа ты мне не давала, а я обещаю, как ты того хочешь, все серьезно обдумать.

На следующее утро он повторил свое «теперь уже обдуманное» предложение, сказав:

— Будем переживать эту беду вместе.

Поженились они 24 октября 1938 года.

Нюся была очень активная, решительная и отважная девушка. Ее сестры вспоминали, как однажды, когда они были еще детьми, она кинулась спасать своего годовалого брата, на которого «наступал» известный своей свирепостью бык. Сестры, 10- и 11-летние девочки, в испуге разбежались, а Нюся, которой тогда было 6 лет, схватив прутик, бросилась отгонять страшного быка. И бык ... отступил! По-видимому, оторопев от неожиданности и от такой невиданной наглости.

Как только арестовали Нюсиного отца — Богацкого Ивана Матвеевича, она бросилась его спасать. Как «активная комсомолка» она вскоре добилась приема у следователя, который вел это дело (на самом деле комсомолкой она не была).

Он оказался очень внимательным и, по-видимому, порядочным человеком. Рассказал Нюсе, что арестован ее отец по доносу, по-видимому, кого-то из жильцов дома. В доносе говорилось, что «он ведет антисоветскую деятельность». Она уверяла следователя, что это неправда, и она может собрать подписи всех жильцов, которые подтвердят, что никакой «антисоветской деятельностью» он не занимался. «Ни в коем случае, никаких коллективных писем! Иначе ему припишут “организованный заговор”! А это намного хуже», — предостерег ее следователь. А письмо, очевидно, было написано дворником их дома. Его дочка часто приходила к Богацким в гости. Слушала, как Александра Трофимовна (Нюсина мама) играла на рояле — она была очень музыкальная, великолепно пела, в свое время ей прочили блестящую карьеру певицы. Уверяли, что у нее голос, как у Неждановой. Но муж запретил ей заниматься вокалом: «Певица — это неприлично!» Она учила любознательную девочку музыке. Как потом выяснилось из рассказов соседей, очень уж этот дворник завидовал Богацким — они, двое взрослых и четверо детей, занимали в большой коммунальной квартире три комнаты, одна из которых, правда, была проходная, но все равно — «слишком шикарно живут, даже рояль есть!..»

Но случилось чудо! Иван Матвеевич Богацкий был освобожден, по амнистии! Дело в том, что через некоторое время после ареста И.М. Богацкого был снят со своего поста Ежов, после чего последовала амнистия, спасшая жизни многих заключенных. Биография Ивана Матвеевича Богацкого была непростая, во всяком случае, в то время «выпутаться» из сложившейся ситуации ему удалось действительно чудом. Родился он 1885 году в станице Воздвиженской Краснодарского края. До Первой мировой войны работал учителем физики в школе (г. Краснодар). Тогда же женился на Гридасовой Александре Трофимовне (1889 г. рождения), уроженке станицы Крымская Краснодарского края, сестра которой тоже была учительницей в школе (потом она стала Заслуженной учительницей СССР). Впоследствии у них было четверо детей: три дочери — Зоя (1912 г.), Елена (Леля, 1913 г.) и Анна (Нюся, 1916 г.) — родились в Краснодаре, и сын Борис (1922 г.), родился в Москве.

Когда началась Первая мировая война, Ивана Матвеевича призвали в армию. Вскоре, учитывая его «физическое» образование, направили в С.-Петербург, учиться на «радиста». После этого он служил в отделе связи при штабе Деникина. Позже, по-видимому, уже во время Гражданской войны оказался при штабе Тухачевского. Закончил войну в чине полковника (Владимир Александрович вспоминал, что у него были «шпалы» на форме, которой он как-то похвастался). После окончания войны он демобилизовался, и семья жила в Москве, в Замоскворечье, в 1-м Кадашевском переулке. И у них была «придворная галерея» — через Лаврушинский переулок, который проходил с другой стороны их двора, находилась Третьяковская галерея. Нюся с подружками дневали и ночевали в Третьяковке. Служащие галереи уже хорошо знали детей и свободно их пропускали. Нюсе там очень нравилось, она проводила там очень много времени и изучила ее вдоль и поперек. Когда проходили какие-нибудь экскурсии, то она пристраивалась к ним и с большим интересом слушала рассказ экскурсовода. Много позже она часто ходила туда с Володей.

Нюся хорошо рисовала и мечтала стать либо архитектором, либо радиоинженером. В конечном итоге выбор остановился на радиоспециальности. После школы она поступила в Техникум связи, а потом в Институт связи. Но, поскольку ее отец был из «бывших» — офицер Царской армии, а потом Белой армии, то для того чтобы поступить в Институт, ей пришлось поработать на торфоразработках.

Иван Матвеевич до своего ареста работал по своей первой профессии педагога — директором детского дома (интерната).

Много позже мама вспоминала, что этот детский интернат был описан в книге Рыбакова «Бронзовая птица». Она даже пыталась «разглядеть» в персонажах книги знакомых ребят. Летом интернат выезжал за город — в Захарово, бывшее имение бабушки А.С. Пушкина, в котором он какое-то время жил и посвятил этому месту свое стихотворение. Это по Белорусской ж.д., недалеко от города Звенигорода. Вместе с интернатом выезжала и семья Ивана Матвеевича — жена и дети. Александра Трофимовна вела музыкальные занятия, а дети в течение дня участвовали в жизни «интернатских» ребят.

Когда же вышла вторая книга Рыбакова «Дети Арбата», я помню, как живо мама обсуждала со своей подружкой юности описанные там события. Эта книга была про их молодость.

После освобождения из заключения Иван Матвеевич уже не мог заниматься педагогической деятельностью и, будучи человеком грамотным, сумел устроиться работать в финансовой сфере — ревизором и бухгалтером.

Вообще о прошлом деда известно мало. Он был очень энергичным, активным человеком. Любил рассказывать всякие истории и нередко прихвастнуть. Раньше я не могла понять, почему, когда он начинал рассказывать о своих «подвигах», мама тотчас старалась сменить тему разговора, обращая все в шутку. Все стало ясно, когда уже много позже я узнала историю с его арестом. Мама просто очень боялась, что «его болтовня доведет до беды», как это, по-видимому, случилось в прошлом.

Когда в НИИС стало известно, что Котельников женился, то сотрудники посоветовали ему подать заявление на предоставление жилплощади. И к великому удивлению ему очень скоро выделили две комнаты в коммунальной квартире ведомственного дома Наркомата связи по адресу Сретенский бульвар, дом 5, кв. 14. По тем временам это было просто роскошно!

Квартира была трехкомнатная, одну большую комнату занимали соседи, а у Владимира и Нюси была маленькая комната — «кабинет» (7–8 м²) а вторая большая — «все остальное» (16–18 м²). Вещей у них было — «прожиточный минимум». Посуда — самая простая и в минимальном количестве. Например, стальные вилки, ложки и ножи появились у них только через много лет, после войны. Но зато у них был радиоприемник с проигрывателем и пластинками и два велосипеда, которые Владимир привез из Америки, и еще — фотоаппарат и фотоувеличитель. Ну и, конечно, книги. Для них это были очень ценные вещи, по тем временам — очень редкие. Как свадебный подарок они купили себе в комиссионном магазине (или на «барахолке») два ковра (поношенных, конечно), чтобы повесить в большой комнате дверь, ведущую в комнату соседей, а в маленькой — на стену к кровати. И еще старую швейную машинку «Зингер». Швейная машинка была большим подспорьем, поскольку жили очень скромно и приходилось все время что-нибудь зашивать, подшивать или перешивать.

Эти вещи сопровождали их на протяжении всей жизни, за исключением, конечно, периода эвакуации. И существуют они до сих пор. Машинка эта была удивительная. Мама, а потом и я шили на ней с одинаковым успехом и шелковые платья, и оболочку для байдарки из толстой двойной капроновой прорезиненной ткани.

Владимир Александрович потом вспоминал: «У Нюси была шуба из маленьких кусочков какого-то зверя, скорее всего, кролика, и каждый раз, прежде

чем ее надеть, она ее штопала, а свои единственные парусиновые летние туфли она каждый вечер на ночь мазала разведенным зубным порошком, чтобы были как новые».

Но на эти мелочи они внимания не обращали — они очень любили друг друга и были счастливы.

А в первый свой «семейный» отпуск, летом 1939 года, они отправились путешествовать на Кавказ. Это было «отсроченное свадебное путешествие».

Кавказ. «Свадебное путешествие» (1939 г.)

ВАК: «Мы с мамой, когда только поженились и еще не было Шурика, летом 1939 года поехали на Кавказ. Взяли туристические путевки не в группу, а просто “по индивидуальному маршруту”, с правом останавливаться на турбазах. Это был пешеходный маршрут через Кавказский хребет, только я не помню, какой там перевал был. Отправились вдвоем. Приходили, останавливались на базе. Иногда присоединялись к какой-нибудь группе. Было, вроде, не опасно — другие тоже так путешествовали. Чтобы не заблудиться, когда шли одни, спрашивали у каких-нибудь встречных дорогу. Правда, отношение кавказцев к нам было непонятное. Когда мы в поезде ехали, с нами ехал кавказец. Не знаю, какой он был национальности. Очень приветливый, приглашал в гости и все такое... А потом, когда мы спустились в Зубзиди, это после хребта, там грузины. Так там отношение совсем другое. Подходишь, хочешь купить арбуз. Там девушка продает в киоске, она на тебя не обращает внимания, а с кем-то болтает. Ты обращаешься к ней, а она качает головой, что, вроде, ничего не понимает, и продолжает свои разговоры. В общем, отношение к русским было такое, что вроде, зачем вы сюда ездите? Это в городках, в деревнях совсем другое — там народ более доброжелательный. В одной деревне, которую мы проходили, был какой-то праздник, и они пригласили нас участвовать. На большой поляне у них, значит, были положены бревна, посредине — стол, сооруженный из бревен, на которые положены доски, а на этих досках — кушанья. Люди сидели вокруг на бревнах, выпивали, говорили... Нас они никак не хотели отпускать — уговаривали присоединиться к ним, наперебой говорили, чтобы мы их не обижали отказом. Ну, мы тоже уселись, выпивали из рога, закусывали, разговаривали... Тогда мы были с мамой вдвоем. Может, правда, кто-нибудь еще был, но не много народа, не группа. Это у них был какой-то колхозный праздник. Потом мы шли, как нам показали, а затем перешли перевал, и там было шоссе. Это было уже не так интересно. Мы хотели сесть на автобус, но что-то у нас не получилось, то ли он был перегружен, то ли не ходил... Кто-то нам подсказал, что неподалеку есть аэродром. На самолете мы никогда не летали, тогда это было в диковинку. Пришли на аэродром. “Пожалуйста, — говорят, — покупайте билеты”. Смотрим, стоит маленький самолетик. В нем три места — для пилота и двух пассажиров. Такой открытый биплан, вроде У-2. Купили билет, уселись. На переднем сидении пилот, а сзади мы с мамой, и он нас повез, разогнался, и — взлетел... Летит, трясется — того гляди рассыплется. А трещит так, что больше ничего не слышно. Очень, конечно, было интересно. Летел он не через горы, а по долине. Очень красиво! Прилетели в Сухуми, там несколько дней побыли, купались и поехали в Москву».

Шурик

В июне 1940 года у Володи с Нюсей родился сын — Александр (Шурик). Помогать молодым счастливым родителям было некому — Володина мама умерла еще когда он был подростком, а Нюсина была занята со своим большим семейством, поэтому с младенцем они справлялись сами, как могли. Ребенок был беспокойным, часто плакал, и по ночам, чтобы его успокоить, Владимир ему читал. Потом родители шутили: «Шурик очень любил поэзию и Мопассана — под них засыпал быстрее всего». После работы и в воскресенье молодой отец, конечно, много помогал жене. А делать он умел все: и готовить, и стирать, и гладить — жизнь приучила.

Однажды, в выходной, Нюсе очень нужно было уйти куда-то по делам. А Шурик страшно раскапризничался, кричал, по-видимому, болел животик — никак не могла его успокоить. Но, делать нечего, пришлось оставить с отцом плачущего ребенка. Когда же она, запыхавшись, примчалась домой, то с изумлением увидела, что вокруг царит мир и покой. Володя спокойно сидит за столом и работает, что-то пишет, периодически ногой подергивая привязанную к ней веревку, другой конец которой был прикреплен к креслу-качалке. Шурик же мирно спит, упакованный в импровизированную «люльку», привязанную к качалке, чтобы не свалилась.

На лето они сняли дачу в подмосковном поселке Кратово (по Казанской железной дороге). Володя приезжал туда вечером после работы и на выходной. Привозил продукты и всякие другие необходимые вещи.

ВАК: «Однажды просыпаемся мы с мамой под утро, смотрим, а Шурика нет! Его кровать пуста. На полу его нет, да и упасть он никак не мог — по бокам кровать загорожена сеткой... Ищем и там и сям — нет Шурика! А ведь не плакал, не кричал... Куда мог подеваться? Ну, просто чертовщина какая-то! Испугались, конечно. А под кроватью стояла коробка с ватками, которыми Нюся протирала Шурика. Но туда-то он уж никак не мог попасть. Выдвигаю, смотрю, а он там спит себе, посапывает. Оказалось, он как-то исхитрился пролезть в узкую щель между матрасом и спинкой кровати и свалиться в эту коробку, на мягкие ватки».